

И 74031

268115

Вѣнѣ В. П. АНИСИМОВА.
СЪДѢЛЬ ДѢТСКИХЪ КНИГЪ.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛѢСЪ.

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА.

СОСТАВИЛЪ ПО ЯПОНСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

П. ИНФАНТЬЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

20
226

10
45

III

Цѣна 7 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

6

00554466

Типографія Я. Вьявскаго, Загородный пр., 74.

23/41

ЗАЧАРОВАНИЙ ЛІСЬ

РОСІЙСЬКА МОВА

1911

ВІДПОВІДАЄ ЗА НАДАННЯ

Д. В. ВАРНУХІН

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

11/11/11

30

४.

३५
३०

३५
३०

12 I.
4766

3469-1.

И-740-3.1

D

Зачарованный
Лѣсъ

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛѢСЪ.

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА.

1934

СОСТАВИЛЪ ПО ЯПОНСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

П. ИНФАНТЬЕВЪ.

К. Т.
268115

6455

ЦЕНТРАЛЬНА НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эргихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.

1911.

58.
Д-Б 1900

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ЗАДАВАНИЕ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

И. М. СЕВЕРОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛѢСЪ.

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА.

I.

О лѣсѣ Гомокузай говорили много страннаго; всѣ утверждали, что онъ былъ зачарованъ. Правда ли это была или нѣтъ, но только эта молва мало по малу разогнала изъ его сосѣдства всѣхъ жителей. И это не потому, чтобы таинственные обитатели этого лѣса наносили кому либо вредъ,—даже неизвѣстно было, существовали ли они,—а потому, что на всѣхъ наводила безотчетный страхъ его глубокая тишина, его густая, темная листва, его тяжелая атмосфера, царившая подъ сводами его деревьевъ. Замѣчали также,—или, по крайней мѣрѣ, увѣряли, что замѣчали,—будто вѣтеръ не оказывается на этотъ лѣсъ никакого вліянія; будто вода въ ручьѣ, который изъ него вытекалъ, оказывалась иногда красноватой, точно окрашенной кровью, и будто часто изъ его мрачныхъ нѣдръ, гдѣ не было ни тропы, ни просѣки,

доносился какой то странный, неопредѣленный шумъ, въ которомъ крики животныхъ смѣшались съ человѣческими воплями... Но правда ли все это было,—провѣрить было очень трудно; во всякомъ случаѣ, никто не могъ сказать, что онъ самъ лично претерпѣлъ какое либо зло отъ этого заколдованнаго лѣса или его обитателей.

И тѣмъ не менѣе, отчасти изъ предразсудка, отчасти изъ трусливой боязни жителей проникнуть въ глубину этого лѣса и воспользо-ваться его богатствами, окрестности пустѣли все болѣе и болѣе, и земля оставалась свободной для всякаго рода пришельцевъ: ее легко могли занимать всякіе искатели приключеній или тѣ бѣдные люди, которымъ нечего было терять и потому нечего было и бояться.

Ганко какъ разъ подходилъ къ тѣмъ и другимъ. Онъ служилъ долгое время управляющимъ у одного дайміо *) и очень ловко умѣлъ пользоваться кошелькомъ своего сильнаго владыки. Онъ требовалъ съ принадлежавшихъ дайміо крестьянъ всегда больше, чѣмъ слѣдовало, а отдавалъ своему господину меньше, чѣмъ нужно. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день этотъ послѣдній, положивъ свою саблю на книгу со счетами, поданную ему управляющимъ, сказалъ:

— Ганко, ты воръ!

Ганко понялъ, что онъ погибъ, что хозяинъ знаетъ все.

— Господинъ,—забормоталъ онъ: вотъ мои

*) Князь.

счета, провѣрьте ихъ, и вы увидите, что вашъ вѣрный управляющій...

— Ганко, ты воръ! — повторилъ его хозяинъ. — Я ничего не хочу слышать о твоихъ счетахъ и не желаю ихъ видѣть. Я дарю тебѣ жизнь только на одинъ день... Ты понимаешь?

Ганко замолчалъ и опустилъ голову.

Въ тотъ же вечеръ, захвативъ съ собой жену, дѣтей и накраденныя деньги, онъ убѣжалъ, и вскорѣ послѣ этого его видѣли въ Сето, гдѣ онъ изображалъ изъ себя богатаго и знатнаго купца.

Но Ганко былъ лѣнтяй да къ тому же азартный игрокъ. Не прошло и года, какъ у него не осталось ничего. Жена его померла, и его гнали отовсюду. Тогда онъ рѣшилъ посѣлиться возлѣ лѣса Гомокузай, такъ какъ только тамъ надѣялся просуществовать своимъ трудомъ. Но этотъ трудъ оказывался очень тяжелымъ для него. Онъ плохо владѣлъ топоромъ, и часто у него не хватало дома хлѣба.

Впрочемъ, въ работѣ ему помогали его дѣти. У этого стараго, жестокаго и лѣниваго развратника были три хорошенькія, добрыя и честныя дочери: Сійя, Гамавуки и Ябура.

Старшая была прелестна, какъ цвѣточекъ персиковаго дерева. Самое имя ея Сійя значило цвѣточекъ, и никогда еще такое имя не было дано такъ кстати. Скромная и простая, добрая ко всѣмъ, чуткая къ несчастіямъ другихъ, она готова была отдавать своимъ ближнимъ все, что имѣла, и жалѣла только объ одномъ, что у нея нечего было давать.

Гамавуки была живая, пылкая и душой и тѣломъ дѣвушка, не способная ни надѣ чѣмъ долго задумываться, веселая, какъ птичка, и беззаботная, какъ мотылекъ. Изъ всѣхъ трехъ она менѣе всего огорчалась бѣдностью и нуждой, которыя имъ приходилось теперь переносить, хотя, быть можетъ, болѣе всѣхъ любила наряды, золото и драгоценные камни на рукахъ и въ волосахъ. Она была общей любимицей въ домѣ и пользовалась этимъ, чтобы, по возможности, поменьше работать и побольше смѣяться.

Ябура была еще очень молода, такъ что о ея характерѣ почти ничего нельзя было сказать опредѣленнаго. Пожалуй, ее можно было немножко упрекнуть за ея нѣсколько надменный видъ и независимый характеръ, которые вовсе не подходили къ ея возрасту; но у нея были прекрасные черные, блестящіе и насмѣшливые глазки; длинные волосы отливали чернымъ янтаремъ, а круглый коралловый, немного выдававшійся впередъ, ротикъ походилъ на ротикъ прекрасной священной рыбки Намако.

Кромѣ трехъ дочерей у Ганко былъ еще маленькій сынишка Камо, которому было всего десять лѣтъ. Но онъ былъ еще настолько молодъ, что нельзя было предугадать, что изъ него выйдетъ.

II.

Проснувшись въ одно прекрасное утро. Ганко убѣдился, что его дѣтямъ угрожаетъ голодъ: въ домѣ ничего болѣе не оставалось, даже ни

одного сапека *), чтобы купить щепотку рису.

Расчитывать на сосѣдей нечего было и думать,—они были также бѣдны. Достатокъ рѣдко заглядывалъ подъ эти печальныя бамбуковыя кровли, и всякій разъ, когда стучались въ дверь, хозяинъ отворялъ ее, держа въ рукѣ, на всякій случай, топоръ и смотрѣлъ на пришельца подозрительно, въ мрачномъ молчаніи и съ недружелюбными мыслями.

Что было дѣлать? Какъ дотянуть до тѣхъ поръ, когда будетъ готова новая работа, чтобы продать ее провѣзшему купцу или снести въ сосѣдній городъ?

Долго раздумывалъ и такъ и этакъ о своемъ бѣдственномъ положеніи Ганко, сидя на порогѣ своего дома, стоявшаго возлѣ опушки зачарованнаго лѣса; наконецъ, онъ принялъ вѣзашное рѣшеніе.

Почему, изъ-за какого то глупаго предразсудка, онъ такъ долго не рѣшается проникнуть въ этотъ лѣсъ, навѣрное изобилующій дорогими камфарными и каучуковыми деревьями, рѣдкими птицами и пушными звѣрями или, по крайней мѣрѣ, дикими плодами? Вѣдь, это цѣлое богатство для того, кто будетъ ихъ добывать!

Но, съ другой стороны, сколько опасностей предстоитъ! Съ какими таинственными чудовищами придется встрѣтиться! Но не бѣда! Ганко умнѣе и опытнѣе своихъ сосѣдей, да къ

*, Мелкая японская монета.

тому же совсѣмъ и не трусь. Да и чѣмъ онъ рискуетъ, кромѣ своей жизни, которая уже потеряла для него всякую цѣну?

Словомъ, колебанія были непродолжительны, опушка лѣса находилась всего въ двухъ шагахъ, и Ганко вступилъ въ безмолвную чащу.

Однако, когда солнце сѣло, онъ съ замираніемъ сердца началъ ожидать необыкновенныхъ приключеній. Но ничего подобнаго! Въ продолженіе добраго часа пробирался онъ съ величайшими затрудненіями среди густого лѣса, въ которомъ, безъ сомнѣнія, съ давнихъ поръ уже не ступала человѣческая нога, и началъ испытывать усталость и нѣчто вродѣ угнетеннаго состоянія духа, которое охватываетъ путешественника, попавшаго въ глубину мало знакомаго мѣста. Однако, его поражали два обстоятельства: непривычное молчаніе этого огромнаго лѣса, неоживляемаго ни одной птичкой, и отсутствіе тѣхъ нетронутыхъ богатствъ, которыя онъ искалъ. Повсюду одинъ гладкій и кудрявый бамбукъ съ вытянувшимся стволомъ и шелестящей, какъ шолкъ, листвою; печальная сосна да туга съ качающимся стволомъ и стелющимися по землѣ вѣтвями, образующими почти непроходимую чащу. Неужели всѣ его трудныя поиски окажутся безплодными, и онъ долженъ будетъ возвратиться ни съ чѣмъ?

Но вотъ мѣстность сдѣлалась возвышенной, каменистой и неровной; деревья стали рѣдѣть; и сквозь ихъ листву тамъ и сямъ началъ просвѣчивать свѣтъ неба, и у нашего искателя приключеній появилась надежда, что онъ скоро до-

стигнетъ самой середины лѣса и будетъ имѣть возможность сдѣлать о немъ болѣе или менѣе ясное представленіе. Но прежде чѣмъ достигнуть самой высокой точки, къ своему удивленію, онъ неожиданно встрѣтилъ обрывистый, почти съ отвѣсными краями оврагъ, который онъ не зналъ, какъ перейти. Осторожно приблизившись къ краю оврага, онъ бросилъ взглядъ въ глубину этой узкой, крутой пропасти.

На самомъ днѣ струился свѣтлый ручей, журчавшій по каменистому руслу, а возлѣ него, на самой глубинѣ пропасти росло одинокое дерево, громадная съ темной листвою сосна, поднимавшая свою голову высоко къ небу.

Ганко началъ разсматривать вершину этого дерева и замѣтилъ посрединѣ его верхнихъ вѣтвей какую то темную, грузную массу, очертанія которой были неясно видны.

— Ага, я нашелъ, наконецъ, секретъ этого лѣса,—подумалъ онъ. Тамъ, навѣрное, лежитъ кладъ, и если только онъ такъ небрежно стережется, то онъ будетъ мой.

Вооружившись, на всякій случай, своимъ топоромъ, онъ пошелъ вдоль берега оврага, чтобы отыскать удобный спускъ.

Но едва только онъ успѣлъ сдѣлать нѣскольکو шаговъ, какъ надъ его головой послышался страшный шумъ, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ встать въ оборонительное положеніе, оглушительный ударъ повергъ его на землю, и онъ почувствовалъ себя подхваченнымъ кѣмъ то за одежду. Открывъ глаза, Ганко увидалъ, что огромный орелъ, держа его въ своихъ когтяхъ,

уносить его на то самое дерево, взобраться на которое онъ только что намѣревался.

Черная масса на деревѣ оказалась гнѣздомъ этого страшнаго хищника. Орель положилъ несчастнаго Ганко на дно гнѣзда, свѣтаго изъ вѣтвей и листьевъ и, сѣвъ на краю его, приготовилъ свой острый, крѣпкій клювъ.

Ганко считалъ себя уже погибшимъ. Топоръ выпалъ изъ его рукъ, и онъ не смѣлъ и помыслить вступать въ борьбу со страшною птицей, которая должна была тотчасъ же растерзать его. Но каково же было его изумленіе, когда онъ вдругъ услышалъ, какъ орель, обратившись къ нему на очень понятномъ человѣческомъ языкѣ, гнѣвно вскричалъ:

— Разбойникъ, зачѣмъ ты пришелъ въ мои владѣнія? Знаешь ли ты, что твое безразсудство будетъ стоить тебѣ жизни?

Для Ганко было большимъ счастьемъ уже одно то, что вмѣсто того, чтобы быть немедленно же растерзаннымъ, онъ слышитъ человѣческую рѣчь. И вотъ, чтобы наивозможно лучше воспользоваться временемъ между завтракомъ орла, онъ началъ рассказывать ему о своемъ бѣдственномъ положеніи и о своихъ голодающихъ дѣтяхъ.

— А, у тебя три дочери!—сказалъ орель, прерывая его рассказъ: отдай мнѣ старшую въ жены, и я тебя помилую.

Какъ? отдать прекрасную, кроткую Сійю въ когти этого чудовища?—Отъ одной этой мысли Ганко бросило въ дрожь.

Но страхъ его былъ такъ великъ, что онъ

готовъ былъ обѣщать отдать всѣхъ своихъ трехъ дочерей да и Камо въ придачу, лишь бы только выйти изъ этого ужаснаго положенія. И онъ согласился на странное требованіе, послѣ чего орелъ, взявъ его осторожно за платье, вновь спустилъ на землю.

Въ теченіе этого короткаго времени хитрый Ганко успѣлъ передумать о многомъ, и прежде чѣмъ разстаться съ орломъ, онъ въ нѣсколькихъ словахъ изложилъ передъ нимъ всю суть своихъ размышленій.

— Видите ли, господинъ орелъ, — сказалъ онъ: я пришелъ въ этотъ лѣсъ съ надеждой выпутаться изъ моей бѣдности, а какъ бы ни былъ почетенъ для моего семейства бракъ моей дочери съ вами, онъ не дастъ пропитанія остальнымъ моимъ дѣтямъ.

— Объ этомъ ты не безпокойся, — сказалъ орелъ: по обычаю страны, я дамъ въ выкупъ за свою невѣсту большой кусокъ золота. Я буду у тебя черезъ нѣсколько дней, а до тѣхъ поръ позабочусь объ удовлетвореніи твоихъ насущныхъ потребностей.

Они разстались. Орелъ воспарилъ къ вершинамъ лѣса, а несчастный отецъ, все еще не пришедшій, какъ слѣдуетъ, въ себя, торопливо направилъ свои шаги, чтобы выбраться изъ лѣса. Онъ былъ уже у его опушки и съ радостью уже завидѣлъ соломенную крышу своего маленькаго домика, какъ вдругъ замѣтилъ дикую козу, скользившую съ вѣтки на вѣтку съ одного дерева и упавшую къ его ногамъ. Она была мертвая, и такъ какъ козы не имѣютъ

обыкновенія лазать по верхушкамъ деревьевъ, то Ганко тотчасъ же догадался, откуда былъ этотъ подарокъ, дававшій ему возможность просуществовать въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Возвратившись домой и размышляя о томъ, что съ нимъ только что произошло, онъ пришелъ къ заключенію, что навѣрное не настолько же орелъ смѣлъ, чтобы отважиться явиться въ деревню и, рискуя встрѣтить здѣсь сильное сопротивленіе, увезти у него дочь. А держать обѣщаніе, вырванное у него силою, онъ не считалъ себя обязаннымъ. И вотъ, на слѣдующій же день онъ подъ секретомъ предупредилъ своихъ сосѣдей, рассказавъ имъ о своемъ приключеніи въ лѣсу, и всѣ обѣщали придти къ нему на помощь, если только появится гигантская птица. Сійя была всѣми любима за ея веселый нравъ и доброе сердце, и всѣхъ, какъ и ея отца, возмущала мысль оставить ее въ когтяхъ столь страшнаго чудовища.

По мѣрѣ того, какъ время, шло безпокойство у всѣхъ съ каждымъ днемъ возрастало все болѣе и болѣе. Но Ганко, чтобы не пугать своихъ дочерей, скрылъ отъ нихъ то, что его озабочивало и только запретилъ имъ далеко отлучаться изъ дому. На седьмой день онъ понесъ свою работу продавать въ городъ, попросивъ своихъ сосѣдей покараулить его дѣтей во время его отсутствія. Но когда онъ вернулся, то всѣхъ нашелъ въ возбужденномъ состояніи.

— Гдѣ Сійя?—спросилъ онъ прежде всего, предчувствуя несчастіе.

— Она уѣхала.

— Райко, помилуй насъ! Ее унесъ орелъ? да?

— Какой орелъ?! Нѣтъ, это былъ очень красивый господинъ, дайміо, въ богатомъ костюмѣ. Сійя находилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, занятая выбиваніемъ ковра. Этотъ господинъ вышелъ изъ своего паланкина и сказалъ намъ, что вы уполномочили его увести вашу старшую дочь.

— И она уѣхала?

— Немедленно же.

— Несчастная!

— Почему несчастная? — сказала Ябура. — Господинъ былъ молодъ, красивъ и богатъ. Онъ общалъ Сійѣ много прекрасныхъ вещей, а это онъ оставилъ для васъ.

Ганко бросился къ сундучку, стоявшему въ углу, на который ему указала дочь, и открылъ его. Тамъ лежалъ массивный слитокъ золота — обѣщанный выкупъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Сійя находится во власти орла. Къ счастью, оставалось золото.

— Возблагодаримъ небо, — сказалъ Ганко, едва сдерживая свою радость. — Я теперь убѣжденъ вмѣстѣ съ вами, что ваша сестра счастлива.

III.

Начиная съ этого дня, въ домѣ водворилось довольство и изобиліе; тамъ болѣе уже не работали. Ганко и его дѣти стали наряжаться въ дорогія одежды и ѣсть тонкія кушанья. Сдѣ-

лавшись богатымъ, бывшій управляющій тотчасъ же переѣхалъ обращеніе съ окружающими и на разные лады сталъ выказывать имъ свое презрѣніе, такъ что, будучи и раньше мало любимъ, онъ сдѣлался теперь для всѣхъ ненавистенъ. Гамавуки была слишкомъ беззаботной и легкомысленной, а Ябура очень гордой и потому, несмотря на ихъ молодость и красоту, онѣ не могли сгладить непріятнаго впечатлѣнія, производимаго на окружающихъ ихъ отцомъ.

Къ довершенію всего, какъ мы уже сказали, Ганко былъ азартный игрокъ. Когда онъ увидалъ, что безъ всякой осторожности растратилъ значительную часть полученнаго имъ богатства, онъ испугался, что скоро у него не останется ничего, и для поправленія своихъ дѣлъ задумалъ попробовать счастья въ игрѣ. И въ очень короткій срокъ онъ спустилъ все и сдѣлался снова прежнимъ бѣднякомъ, съ присоединеніемъ къ этому еще того, что потерялъ и деньги, и желаніе, и привычку къ труду, и поддержку своихъ сосѣдей.

И вотъ, увидавъ себя въ одно прекрасное время снова безъ щепотки рису, онъ въ первый разъ вспомнилъ о своей дочери, отъ которой не было ни слуху, ни духу и о своемъ зятѣ-орлѣ, сдѣлавшемъ ему такой щедрый подарокъ.

— А, — подумалъ онъ: для чего же имѣть и зятя, если нельзя занять у него нѣсколько іенъ *), необходимыхъ для того, чтобы снова

*) Серебряная монета около рубля.

устроиться, какъ слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, если я встрѣчу орла, онъ теперь уже не сожретъ меня: своего тестя не ѣдятъ.

И онъ храбро, не захвативъ даже съ собою никакого оружія, отправился подъ своды лѣса отыскивать тотъ ручей, гдѣ онъ когда то потерпѣлся страху и гдѣ, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ найти свою милую Сіюю.

Однако, поиски оказались не легкими: кустарникъ былъ непроходимъ, высокія вершины деревьевъ скрывали свѣтъ солнца; не было видно ни одной знакомой примѣты, которою онъ могъ бы руководиться въ своихъ поискахъ, и долго бѣдный искатель приключеній наугадъ блуждалъ въ этомъ заколдованномъ лѣсу безъ всякаго результата. Ночь спустилась почти внезапно, и онъ съ ругательствами и въ дурномъ расположеніи духа долженъ былъ лечь спать подъ сосной, чувствуя, что заблудился и съ безпокойствомъ думая о томъ, что долженъ будетъ возвратиться обратно по своимъ слѣдамъ ни съ чѣмъ.

Проснувшись на слѣдующее утро, онъ замѣтилъ неподалеку отъ себя просвѣтъ, исходившій изъ самой густой чащи лѣса. На мгновеніе его умъ озарила надежда: — можетъ быть это именно тотъ самый оврагъ, который онъ отыскивалъ. Онъ тотчасъ же отправился въ этомъ направленіи, но, къ своему удивленію, скоро увидаль, что дорогу преграждаетъ озеро, далеко за которымъ, повидимому, снова начался лѣсъ.

Обезкураженный, онъ сѣлъ на берегу. — Безъ

сомнѣнія, — думалъ онъ, — его зачаровали. Орелъ, его зять, по всей вѣроятности, былъ колдунъ и обошелъ его, найдя, что достаточно уже съ нимъ расквитался. Это предположеніе отнимало у него всякую надежду отыскать когда либо снова свое жилище, и онъ совершенно не зналъ, что ему дѣлать.

Погруженный въ свои печальныя размышленія, онъ вдругъ замѣтилъ выдру, вышедшую изъ озера совершенно спокойно и не подозревавшую никакой опасности. Выдра была такъ близко отъ Ганко, что онъ бросился, чтобы схватить ее, такъ какъ это былъ и вѣрный завтракъ и цѣнная шкурка. Къ сожалѣнію, онъ ухватился за нее плохо: его пальцы скользнули по мягкой, влажной шерсти, и животное въ одинъ прыжокъ очутилось въ озерѣ. Онъ попытался схватить ее еще разъ, но поймалъ одну только воду. Вдругъ въ этотъ самый моментъ страшное волненіе возмутило поверхность озера, и огромный китъ, какого Ганко еще отъ роду не видывалъ, поднялся передъ нимъ, раскрывъ свою пасть, въ которой бѣдняга легко могъ бы весь умѣститься. Несчастный упалъ на землю и въ своемъ ужасѣ даже не вспомнилъ, что это его приключеніе было очень похоже на первое и могло окончиться точно такимъ же образомъ. Онъ пришелъ въ себя только тогда, когда китъ ему сказалъ:

— Безумецъ! Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты охотишься на моихъ подданныхъ и смущаешь покой озера? Ты заплатишь жизнью за свою дерзость.

— Господинъ китъ, подождите одну минутку, не ѣшьте меня! — вскричалъ Ганко. — Я тестъ господина орла, который живетъ въ этомъ лѣсу.

— А, вотъ что! — сказалъ китъ: я знаю тебя. Я даже слышалъ, что у тебя есть другая дочь, и я требую у тебя ее въ жены. Ты не менѣ меня обяжешь, чѣмъ орла, моего сосѣда.

— Пусть будетъ по вашему, — сказалъ Ганко.

И чувствуя, что мужество къ нему возвращается, онъ рѣшилъ покрайней мѣрѣ поторговаться.

— Господинъ китъ, — сказалъ онъ: я охотно вамъ ее отдамъ, но вѣдь за старшую мою дочь орелъ далъ мнѣ въ выкупъ цѣлый слитокъ золота.

— Я не могу этого сдѣлать, потому что я не такъ богатъ звонкимъ металломъ, но я все-таки не менѣ щедръ. Ты получишь въ выкупъ мѣшокъ жемчугу.

— Положите два, — сказалъ Ганко, у котораго разыгралась алчность.

— Я предлагаю тебѣ то, что имѣю, не требуй отъ меня большаго, — сказалъ китъ. Если бы я былъ дракономъ, который сторожитъ этотъ лѣсъ и беретъ себѣ десятую часть изъ всего того, что здѣсь живетъ и произрастаетъ, то могъ бы сдѣлать для тебя больше. Но уже и то богатство, которое я тебѣ предлагаю, громадно. Соглашайся или...

И китъ, въ подтвержденіе своего требованія, раскрылъ страшную пасть.

— Я согласенъ, берите мою дочь, — поспѣшно вскричалъ Ганко.

— Я приду за нею черезъ нѣсколько недѣль, а пока—вотъ задатокъ.

И чудовище, прежде чѣмъ скрыться въ глубинахъ озера, ударомъ хвоста выбросило на берегъ жемчужную раковину.

Ганко съ радостью схватилъ ее, раскрылъ и нашелъ въ ней прекрасную круглую жемчужину, которая очень легко могла найти покупателя въ городѣ. Затѣмъ онъ поспѣшилъ обратиться изъ заколдованнаго лѣса. Была уже темная ночь, когда онъ пришелъ домой и, утомленный усталостью, уснулъ, мечтая о богатствѣ и знатности и не чувствуя никакого угрызенія совѣсти, хотя послѣдняя на этотъ разъ и не совсѣмъ была у него чиста.

VI.

Когда, какъ и подъ какимъ видомъ китъ долженъ былъ явиться за выполненіемъ этого страннаго договора, эти вопросы Ганко задавалъ себѣ каждый день. Время шло, и такъ какъ ничего особеннаго не случилось, то онъ уже началъ опасаться, не разстроилось ли дѣло.

„Очень возможно, думалъ онъ, что женихъ нашелъ условія слишкомъ для себя тяжелыми. Это очень жаль“... И теперь честный отецъ готовъ былъ бы удовольствоваться даже полмѣшкомъ жемчуга.

Въ началѣ седьмой недѣли, когда солнце начинало уже садиться, Ганко сидѣлъ у себя дома печальный, какъ вдругъ онъ увидалъ шедшихъ

къ нему сосѣдей, среди которыхъ быть и Камо, весь заплаканный.

— Что съ вами? Что случилось? — вскричалъ Ганко.

— Увы! Несчастливая дѣвушка!

— Ну?

— Она умерла.

— Кто? Говорите!

— Гамавуки.

— Умерла моя дочь? Какой ужасъ!

Прощай лелѣянная мечта! Ганко не зналъ, о чемъ больше плакать: о своей ли неудовлетворенной жадности или о погибшей дочери.

— Но какимъ образомъ она умерла? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Утонула, бѣдняжка! А какъ мы всѣ ее любили! Она была на рѣкѣ въ лодкѣ и, вѣроятно, увидавъ проплывавшую мимо нея рыбку, хотѣла задѣть ее весломъ, но опрокинулась, и даже тѣла ея не могли отыскать.

Въ сердце отца тотчасъ же закралось сомнѣнiе.

— Я желаю посмотрѣть на мѣсто этого несчастнаго случая, — сказалъ онъ.

Его повели на берегъ рѣки.

Лодка, изъ которой опрокинулась неблагоразумная Гамавуки, стояла привязанной къ берегу.

— Э, вотъ даже мѣшечекъ, который должно быть принадлежалъ вашей бѣдной мусме, *) — сказалъ одинъ изъ сосѣдей. — Вы узнаете его,

*) Пѣвушка.

Ганко? Повидимому, въ немъ сухой горохъ,—добавилъ онъ, ощупывая мѣшокъ.

— Да, да!—вскричалъ Ганко, схватывая находку: она должна была его мнѣ принести,—сказалъ онъ, осушая лицемѣрную слезу, и взвѣшивая на рукѣ мѣшокъ, который оказался на столько тяжелымъ, что его съ трудомъ можно было нести одной рукой: въ немъ находились отмѣнные жемчужины, съ которыми можно было теперь задать форсу!

На слѣдующій же день Ганко объявилъ, что онъ не можетъ болѣе жить въ этой странѣ, гдѣ ему все напоминаетъ объ его несчастіи, и отправился въ Йокагаму.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ велъ тамъ жизнь, вполне удовлетворявшую его самолюбію, и черпалъ, не считая, изъ счастливаго мѣшечка, драгоценное содержимое котораго мало по малу переходило въ руки богатыхъ купцовъ города.

Но въ то время, какъ его сокровища таяли съ каждымъ днемъ, у него давно уже созрѣлъ новый планъ. Послѣдняя его дочь, Ябура, была дѣвушка ослѣпительной красоты, и вздыхатели толпой кружили около нея и ея предполагаемаго богатства; но ея отецъ безжалостно удалялъ всѣхъ претендентовъ на ея руку.

Недалекая, самолюбивая и еще болѣе испорченная предыдущими лишеніями, эта дѣвушка была не для другихъ, и онъ обдумывалъ, какъ лучше всего извлечь изъ нея пользу, какъ и изъ ея сестеръ.

Вотъ до чего довела жадность этого человѣка!

Его новый зять былъ уже давно имъ намѣченъ. Развѣ драконъ, стражъ заколдованнаго лѣса, богатства котораго были безпредѣльны, не долженъ былъ почитать высокою цѣною красоту Ябуры?

Впрочемъ, нужно отдать справедливость Ганко: до тѣхъ поръ, пока у него былъ жемчугъ, родительская любовь препятствовала ему идти на такой постыдный торгъ; но когда онъ увидалъ остатки на днѣ мѣшка, онъ не могъ долго колебаться и, безъ зазрѣнія совѣсти, направился по дорогѣ къ лѣсу.

Однако, чего онъ болѣе всего боялся, входя подъ своды таинственной листвы, такъ это чтобы не попасть въ руки низшаго существа, которое могло бы съ нимъ дурно обойтись или назначить слишкомъ незначительную плату за предполагаемую сдѣлку, на которой онъ основывалъ всѣ свои мечты о богатствѣ.

Впрочемъ, ему не пришлось долго разыскивать. Едва онъ вскричалъ нѣсколько разъ громкимъ голосомъ: „Драконъ, хозяинъ лѣса! Ганко, твой рабъ, призываетъ тебя!“—какъ страшное чудовище выбросилось изъ-за деревьевъ и съ открытою пастью и когтями, протянутыми впередъ, устремилось на него, испуская огонь и сѣрные пары. Появленіе его было такъ неожиданно и такъ страшно, что Ганко остолбенѣлъ и потерялъ все свое мужество и хладнокровіе, съ которыми шелъ на этотъ дурной поступокъ.

— Безумецъ! Кто ты такой, что осмѣливаешься вызывать меня подобнымъ образомъ?—вскричалъ драконъ.

Ганко былъ смущенъ. Ему стало стыдно

говорить прямо о своемъ предложеніи, и онъ прибѣгнулъ къ обинякамъ.

— Я несчастный отецъ, отыскивающій своихъ дочерей, которыя противъ моей воли были отданы мною—одна орлу, другая киту въ этомъ лѣсу.

— Я знаю ихъ,—это очень честныя женщины, прекрасныя и преданныя своимъ мужьямъ душой и тѣломъ,—сказалъ драконъ болѣе мягкимъ тономъ,

— О, да, господинъ!—лицемѣрно вздохнулъ Ганко: очень честныя, очень преданныя, очень красивыя. Но что онѣ значать по сравненію съ ихъ младшей сестрой?!

— Какъ?—вскричалъ драконъ, насторожившись.—У тебя есть еще дочь, и ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ? Я беру ее въ жены.

— Но...

— Безъ всякихъ но, или ты не выйдешь живымъ изъ этого лѣса.

— Я въ восторгѣ, могущественный владыка, я положительно въ восторгѣ, я польщенъ. Но, простите мнѣ мою просьбу: я бѣденъ,—и господинъ орелъ, такъ же какъ и господинъ китъ, за которыхъ я выдалъ своихъ старшихъ дочерей, дали мнѣ за нихъ значительный выкупъ.

— Только за этимъ дѣло?—гордо произнесъ драконъ.—То, что они тебѣ дали, только капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, что я тебѣ заплачу за свою невѣсту. Слушай же: отнынѣ твоя дочь принадлежитъ мнѣ, и начиная съ сегодняшняго же дня ты настолько богатъ, что тебѣ будутъ завидовать самые знатные дайміо.

и самые богатые купцы Сето, Иеддо и Токага-мы. Я знаю, ты пьяница, игрокъ, мотъ, дебоширъ, золото у тебя проходить между пальцевъ,—прекрасно, это не бѣда. Я буду удовлетворять всѣмъ твоимъ надобностямъ такъ, что никогда твои безумства не опустошатъ твоего кошелька.

Ганко былъ ослѣпленъ; поклонившись до земли и поднявъ ладони рукъ къ небу, онъ воскликнулъ:

— Господинъ, господинъ! Моя дочь—ваша. Вы Богъ всемогущій!

V.

Довѣрчиво взирая на будущее, Ганко возвратился къ своимъ дѣтямъ. Его нисколько не удивило, когда нѣсколько дней спустя директоръ одного большого банка увѣдомилъ его, что въ кассѣ для него открытъ безграничный кредитъ, и онъ широко началъ пользоваться этимъ.

При подобномъ же посредничествѣ онъ получилъ записку, увѣдомлявшую его, что за Ябурою въ извѣстный срокъ явится слуга, уполномоченный доставить ее къ ея супругу. Дѣйствительно, въ назначенный срокъ передъ новымъ дворцомъ Ганко остановился паланкинъ, изъ котораго вышелъ посланный его зятя, и отецъ поспѣшилъ вручить ему свою дочь, проливъ при этомъ нѣсколько искреннихъ слезъ, потому что, будучи въ довольствѣ, онъ хотя и поступалъ сурово, тѣмъ не менѣе всегда любилъ своихъ дѣтей, а изъ нихъ бо-

лѣе всего Ябуру которая, благодаря своему независимому характеру, имѣла на него большое вліяніе. Отцовское сердце возмущалось въ немъ противъ его жадности, и тѣмъ не менѣе онъ велъ свою линію.

Но кто бы могъ подумать? Владѣя всѣмъ, что только его жадность могла желать, не имѣя даже радости скупца, откладывающаго свои сбереженія для будущаго, — богатый, вельможный, какъ его называли, Ганко былъ несчастливъ.

Старый, разжирѣвшій, пресыщенный даже богатствомъ, цѣны котораго онъ не зналъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ увѣренъ въ его неисчерпаемости, онъ началъ теперь горько сожалѣть о томъ счастьи, которое распространяли бы вокругъ него его дочери, если бы онъ ихъ, одну за другой, не продалъ. Гдѣ то теперь были кроткая Сійя, веселая, беззаботная Гамавуки и Ябура, которую онъ такъ любилъ и могъ бы удержать при себѣ, если бы у него не было этой ненасытной жадности? Что онѣ думали о своемъ старомъ отцѣ, продавшемъ ихъ страшнымъ чудовищамъ, обитающимъ въ глубинѣ проклятаго лѣса Гомокузаи?—И онъ часто искалъ въ своей рукѣ нѣжную ручку, часто ему казалось, что онъ слышитъ возлѣ себя шаловливый смѣхъ, а еще чаще ему чудились строгіе упреки Ябуры, когда онъ возвращался домой совершенно пьянымъ послѣ ночной оргіи. Но ничего этого не было. И его глаза наполнялись слезами,

голосъ его дрожалъ и чтобы забыться, онъ еще болѣе пилъ саки *).

Его тяготила эта тайна, онъ хотѣлъ бы признаться въ своей гнусности передъ всѣми, даже если бы ему привелось испытывать отъ этого вѣчныя страданія, — по крайней мѣрѣ онъ не былъ бы одинокъ передъ лицомъ этихъ роковыхъ воспоминаній; но его удерживалъ стыдъ и страхъ публичнаго позора.

Но вотъ однажды онъ не утерпѣлъ и намеками далъ понять своему сыну, что сестры его живы.

— Что вы хотите сказать, батюшка? — вскричалъ послѣдній. Какъ? Мои сестры Сійя, Гамавуки и Ябура живы? И вы знаете, гдѣ онѣ находятся?

Тогда, точно подталкиваемый какой то непреоборимой силой, Ганко разсказалъ Камо о своемъ прежнемъ безвыходномъ положеніи, умолчавъ только о причинахъ его. Онъ говорилъ ему о своемъ отцовскомъ отчаяніи при видѣ своихъ дочерей, старѣющихъ подлѣ него безъ мужей, о своихъ приключеніяхъ въ заколдованномъ лѣсу Гомокузай, о своей сначала вынужденной, а потомъ сознательной и добровольной ихъ продажѣ. — Не лучше ли было, — оправдывался онъ, — попытать судьбу, чтобы избѣжать голодной смерти, чѣмъ жить безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Развѣ подобная жизнь не та же непрерывная смерть? —

Изъ всего, что разсказывалъ отецъ, Камо

*) Рисовая водка.

понялъ только одно, что его сестры, которыхъ онъ считалъ умершими, были живы, — и онъ желалъ ихъ увидѣть. Если его отецъ не могъ узнать тайну заколдованнаго лѣса, эту тайну откроетъ онъ, обладая лучшими средствами и болѣе сильной волей. И онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ.

Ганко испугался этого безразсуднаго намѣренія и пытался отговорить его. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его грызла печаль и опасенія; но молодой человѣкъ сгоралъ отъ нетерпѣнія. Такое положеніе не могло долго продолжаться, и однажды Камо явился къ отцу совсѣмъ собравшійся въ дорогу съ двумя саблями, заткнутыми за поясъ.

— Я иду искать своихъ сестеръ и приведу ихъ къ вамъ, — сказалъ онъ.

— Иди, мой сынъ, — согласился отецъ. Но помни объ отцѣ, который будетъ ждать тебя и не старайся преодолевать невозможное. Вѣдь ты у меня послѣднее дѣтище.

VI.

И вотъ, Камо, какъ нѣкогда его отецъ, очутился на опушкѣ заколдованнаго лѣса. Но будучи богатъ, молодъ, красивъ, хорошо вооруженъ и полонъ вѣры въ свои силы, онъ вступалъ въ этотъ лѣсъ не съ трусливою опаскою, а подобно завоевателю.

Двое слугъ ударами топоровъ расчищали передъ нимъ дорогу, а третій замыкалъ шествіе, оберегая его отъ всякихъ случайностей. Маленькая группа рѣшилась мужественно защищаться въ случаѣ нападенія.

Отецъ не могъ дать никакихъ точныхъ указаній относительно пути, по которому имъ нужно было слѣдовать; впрочемъ, на сколько онъ помнилъ, гнѣздо орла должно было находиться на западѣ. Но до самаго вечера въ этомъ направленіи еще ничего не было открыто.

На слѣдующій день одинъ изъ спутниковъ, пробудившись очень рано, услыхалъ страшный шумъ крыльевъ надъ своей головой и смутно увидалъ огромную черную массу, летѣвшую по небу и бросавшую отъ себя гигантскую тѣнь. Онъ догадался, что это былъ орелъ, только что покинувшій свое гнѣздо, и тщательно замѣтивъ направленіе, разбудилъ своихъ товарищей. Походъ былъ возобновленъ и черезъ нѣсколько времени показалось мѣсто, описанное Ганко. Въ глубинѣ оврага по прежнему возвышалась огромная сосна съ гнѣздомъ орла, а возлѣ ея подножія ручей, оживлявшій своимъ журчаніемъ мѣстность.

Оставивъ своихъ слугъ подъ деревьями, Камо подошелъ къ краю обрыва и вскричалъ:

— Сестрица Сійя, если ты еще жива, отвѣть мнѣ! Я Камо, сынъ Ганко и пришелъ освободить тебя.

На вершинѣ дерева показалась стройная женская фигура.

— Братецъ Камо, это ты? Какъ я рада видѣть и слышать тебя! Я не могу сойти, но ты молодъ и силенъ и можешь легко залѣзть сюда.

Камо тотчасъ же, взбираясь съ вѣтки на вѣтку, добрался, наконецъ, до таинственнаго гнѣзда.

Ганко не узналъ бы это убѣжище, гдѣ онъ провелъ столько неприятныхъ минутъ. Было видно, что тамъ работала женская рука: подъ грубой наружной формой все было чисто и кокетливо прибрано; а въ одномъ изъ угловъ была даже цѣлая масса изящныхъ предметовъ, необходимыхъ для туалета хорошенькой женщины.

Эта послѣдняя подробность не особенно поразила Камо.

Послѣ первыхъ радостей свиданія молодой человѣкъ началъ разспрашивать свою сестру о томъ, что съ ней произошло послѣ ея исчезновенія.

— Мой похититель, — начала свой рассказъ Сіяя, — прекрасный, милый и любезный молодой человѣкъ, одѣтый въ шитое золотомъ шелковое платье, велъ меня черезъ неизвѣстныя мѣстности до входа въ широкую аллею, прорѣзывающую этотъ лѣсъ. Мы шли по ней, пока не достигли подножія винтовой лѣстницы, ведущей въ прекрасный воздушный дворецъ. Поднявшись по ней, мы съ моимъ женихомъ, очутились въ очаровательномъ помѣщеніи, гдѣ было собрано все, что только можетъ желать женщина. Я была въ восторгѣ.

— Я ничего не понимаю, — прервалъ ее Камо.

— Подожди, сейчасъ ты все поймешь. Мое счастье продолжалось всего-на-всего одинъ только день. Передъ утромъ слѣдующаго дня мой мужъ предупредилъ меня о суровой судьбѣ, тяготѣвшей надъ нимъ. Вслѣдствіе одного колдовства онъ былъ превращенъ въ орла и въ

этомъ видѣ долженъ былъ находиться въ теченіе шести дней и только въ продолженіе седьмого принималъ свою настоящую форму. Все, что его окружало, было подвержено тому же самому очарованію и преобразалось вмѣстѣ съ нимъ. И дѣйствительно, при восходѣ солнца дворецъ исчезъ и на его мѣстѣ оказалось неуклюжее гнѣздо изъ вѣтвей и листьевъ, а равно исчезло все, что не принадлежало лично мнѣ. Слѣдующіе шесть дней показались мнѣ безконечными. Но седьмой день вновь принесть съ собой богатый дворецъ, красавца-возлюбленнаго и счастье на нѣсколько часовъ. И вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжается все одно и то же съ безпощадной правильностью, безъ надежды когда либо увидѣть освобожденіе отъ чаръ.

— Бѣдная сестра!—вскричалъ Камо, пришедшій въ ужасъ отъ ея разказа. — Мужайся! Твои несчастія окончились. Я освобожу тебя отъ когтей этого чудовища и возвращу нашему отцу, который оплакиваетъ тебя столько времени.

— Въ умѣ ли ты!—воскликнула Сійя.— Нѣтъ, я вовсе не намѣрена возвращаться къ отцу, который билъ меня, когда напивался своей проклятой саки и часто не имѣлъ, что дать намъ ѣсть. У меня нѣтъ никакого желанія подвергаться этому снова. Что касается до моего мужа, то я люблю его, и мы очень бываемъ счастливы, когда онъ принимаетъ свои настоящія формы. Но въ остальные дни онъ бываетъ нелюдимъ, а потому уходитъ съ утра и возвращается только поздно вечеромъ. Но я все таки

чувствую себя совершенно счастливой въ одинъ изъ семи дней. Сколько женщинъ въ Ниппонѣ не могутъ сказать и этого!

Камо отъ души разсмѣялся такому неожиданному заключенію, но добрая Сійя, можетъ быть, была и права. И сколько онъ не настаивалъ, такъ и не могъ убѣдить свою сестру слѣдовать за собой.

— По крайней мѣрѣ, скажи мнѣ, гдѣ я могу найти въ этомъ лѣсу нашу сестру Гамавуки?— спросилъ онъ.

— Какъ? Она здѣсь, и я ничего объ этомъ не знала!

— Да, она сдѣлалась женой кита.

— А, я понимаю, что ты хочешь сказать. Рѣчь идетъ, значить, о владыкѣ озера. Отправляйся вотъ въ этомъ направленіи,—указала она: и я думаю, что ты очень скоро достигнешь до его владѣній. Сама я не могу оставить жилища моего мужа, не подвергаясь за это его страшному гнѣву, потому что въ то время, когда онъ бываетъ орломъ, у него проявляются хищническіе инстинкты, и если, возвратясь, онъ застанетъ тебя здѣсь, онъ растерзаетъ тебя. И такъ, прощай, дорогой братецъ! Желаю тебѣ быть болѣе счастливымъ съ моей сестрой, если только тебѣ удастся уговорить ее возвратиться къ отцу. Я же останусь со своимъ однодневнымъ счастьемъ возлѣ того, кто его мнѣ доставляетъ.

Камо присоединился къ своимъ товарищамъ, размышляя объ этой снисходительной и преданной любви женщины, устоявшей противъ великаго соблазна. И онъ началъ уже сомнѣ-

ваться въ благополучномъ исходѣ принятой на себя мисси.

VI.

На слѣдующій день путники достигли равнины, откуда разстился видъ на озеро.

Умудренный предыдущимъ опытомъ, Камо дѣйствовалъ на этотъ разъ съ большою осторожностью и принималъ во вниманіе каждую мелочь, чтобы изучить входы и выходы обитателей этихъ таинственныхъ водъ и развѣдать лучший путь, который велъ къ убѣжищу Гамавуки.

Повидимому, это прозрачное, съ открытыми берегами, озеро имѣло совершенно гладкую поверхность. Но одинъ изъ слугъ, изслѣдовавъ мѣстность, сообщилъ своему господину, что маленький клочекъ лѣса, казавшійся издали соединеннымъ съ берегомъ, былъ на самомъ дѣлѣ островкомъ. Безъ сомнѣнія, тамъ надо было искать ключъ къ разгадкѣ.

Едва только сообщившій это слуга окончилъ свое донесеніе, какъ на срединѣ озера показалась длинная спина темной рыбы, которая, рѣзвясь, удалялась отъ острова.

— Это навѣрное мой зятюшка, — сказалъ, поморщившись, Камо. — Если я не желаю быть проглоченнымъ, какъ муха, то теперь самый удобный моментъ добраться вплавь до острова.

Осторожно пробираясь, чтобы не быть замѣченнымъ, онъ очутился противъ острова, тихонько вошелъ въ воду и, такъ какъ былъ хорошимъ пловцомъ, то скоро достигъ лѣскаго острова.

Предчувствіе не обмануло его. Тамъ онъ увидалъ лѣстницу изъ голубого песчаника, ведущую подъ землю и скрывавшую, безъ сомнѣнія, входъ въ подводный дворецъ.

Вставъ на первыя ступеньки, Камо крикнулъ:

— Гамавуки, милая сестрица, если ты еще не забыла Камо, онъ здѣсь и идетъ къ тебѣ!

Послышались громкія восклицанія, затѣмъ его тотчасъ же обняли двѣ руки, украшенныя дорогими браслетами, и онъ былъ осыпанъ поцѣлуями.

— Какъ ты выросъ и возмужалъ! Какъ я счастлива тебя видѣть!

— Бѣдная, дорогая сестра! А мы тебя оплакивали, и въ деревнѣ приносили жертвы за упокой твоей души. Только нашъ отецъ смутно предчувствовалъ, что ты жива.

— Какъ вы глупы! — вскричала Гамавуки, ударяя въ ладоши и разражаясь смѣхомъ. — Я во все это время была очень счастлива!

— Какъ, счастлива? Счастлива съ этимъ чудовищемъ?!—съ изумленіемъ повторилъ Камо.

— Прежде всего мой мужъ не чудовище, — возразила Гамавуки, задѣтая за живое. — Это великая рыба—вотъ и все. Но что ты не можешь знать, такъ это то, что, находясь въ этомъ превращеніи въ продолженіе шести недѣль, онъ является въ продолженіе семи дней тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ бы быть всегда, если бы на немъ не тяготѣло колдовство, т. е. молодымъ, прекраснымъ, богатымъ и любящимъ меня знатнымъ принцемъ.

На этотъ разъ Камо не такъ уже былъ уди-

вленъ такимъ объясненіемъ, похожимъ на подобное же объясненіе Сійи.

— Но, милая сестрица, эти шесть недѣль ожиданія должны казаться тебѣ мучительными въ этомъ крохотномъ убѣжищѣ, затерянномъ подъ землей среди тростниковъ, вдали отъ всего міра.

— Да нѣтъ же, совсѣмъ нѣтъ! Я ничего не люблю больше, какъ прекрасные цвѣты, прекрасныя хризантемы, блестящія, шитыя золотомъ и шолкомъ ткани, драгоценные камни и жемчугъ. А мой мужъ, когда онъ является въ своемъ настоящемъ видѣ, даритъ мнѣ ихъ столько, сколько я хочу; а потомъ я провожу свое время въ томъ, что люблюсь ими, наряжаюсь, сортирую цвѣты и жемчугъ и восторгаюсь всѣмъ этимъ. Мнѣ ничего болѣе не нужно, увѣряю тебя: я живу созерцаніемъ и надеждой.

Камо улыбнулся этому ребячеству, столь свойственному женщинамъ.

— Но скажи мнѣ,—спросилъ онъ: этотъ маленькій, прелестный уголокъ, очевидно, не сообщается съ озеромъ,—значитъ, ты бываешь разлучена со своимъ мужемъ все время его превращенія?

— Стѣнки этого маленькаго дворца стеклянныя, какъ ты можешь въ этомъ убѣдиться, и ихъ окружаетъ вода озера. Время отъ времени мой мужъ подплываетъ навѣстить меня къ витринѣ, я дѣлаю ему привѣтствіе рукой и ободряю къ терпѣнію. Но если бы онъ замѣтилъ тебя здѣсь, мы оба погибли бы: онъ разбилъ бы эту хрупкую клѣтку и отъ насъ не осталось бы слѣда. Боже мой! Да, вѣдь, это онъ плыветъ

вонъ тамъ?!—вскричала съ испугомъ Гамавуки.—Да, видишь это клокотаніе воды?

Прежде чѣмъ Камо могъ что либо разсмотрѣть, нѣжныя руки его сестры, отчаяніе которой удвоили ея силы, опрокинули его и въ тотъ же мигъ задернули передъ нимъ раздвижныя ширмы. Скорчившись, онъ сидѣлъ за ними, перепуганный и ожидая катастрофы.

Къ счастью, китъ его не замѣтилъ; но все таки, повидимому, онъ заподозрѣлъ что то неладное; можетъ быть страхъ Гамавуки, который она не сумѣла, какъ слѣдуетъ, скрыть, внушилъ ему подозрѣніе, потому что онъ очень долго оставался передъ витриной, молчаливо, съ недовольнымъ видомъ фыркая своимъ гигантскимъ ртомъ.

Переставъ дѣлать ему привѣтственные знаки, Гамавуки сѣла возлѣ ширмъ, вблизи своего брата, и спокойно занялась вышиваніемъ. Это спокойствіе окончательно разсѣяло всѣ подозрѣнія ея супруга; онъ сдѣлалъ хвостомъ прощальный привѣтъ и удалился.

— Вылѣзай скорѣй и отправляйся, иначе мы оба погибнемъ!—сказала Гамавуки.—Прощай, братецъ! Иди одинъ, безъ меня, и скажи всѣмъ, что я очень счастлива. Нашъ отецъ почти никогда не интересовался мной, развѣ только когда билъ подъ пьяную руку и, не смотря на деньги, которыя онъ получилъ за насъ, онъ никогда не могъ бы окружить меня такою роскошью, которыми я окружена здѣсь.

— Можетъ быть наша сестра Ябура думаетъ объ этомъ иначе, чѣмъ ты!—замѣтилъ Камо.

— Да развѣ она тоже находится въ этомъ зачарованномъ лѣсу?

— Да. Нашъ отецъ продалъ ее дракону.

— О, это нашъ верховный повелитель,—съ почтительностью сказала Гамауки: и кажется, отъ него зависитъ все наше очарованіе, хотя онъ и самъ является его жертвой. Я ничего болѣе относительно этого не знаю. Но, если Ябура жена дракона, я сомнѣваюсь, чтобы тебѣ удалось увести ее. Вспомни, какой она была, еще будучи ребенкомъ, гордой; вспомни ея мечты о славѣ и власти. Этотъ драконъ принимаетъ свою страшную, противную форму въ продолженіе шести мѣсяцевъ, а въ теченіе седьмого онъ держитъ блестящій дворъ, наподобіе королевскаго. Тутъ есть чѣмъ прельстить сердце женщины, а тѣмъ болѣе сердце Ябуры, которая послѣ продолжительной метаморфозы съ ея мужемъ должна легко утѣшиться, сознавая, что ея бракъ ставитъ ее выше всѣхъ насъ.

Хотя Камо былъ очень опечаленъ словами сестры, но, тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ слѣдовать до конца своему плану розысковъ. И онъ ушелъ отъ Гамауки, которая указала ему приблизительно то мѣсто, гдѣ онъ могъ отыскать дракона или короля, сообразно обстоятельствамъ, которыхъ онъ не зналъ. Затѣмъ онъ возвратился обратно на берегъ, слѣдуя тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ попалъ на островъ.

Уже нѣсколько дней путники находились въ зачарованномъ лѣсу. Камо вспомнилъ, что его отецъ долженъ сильно беспокоиться какъ о немъ, такъ и о своихъ дочеряхъ, и потому онъ отправилъ одного изъ своихъ слугъ, чтобы увѣ-

домить старика о своихъ первыхъ неудачахъ, о томъ, что Сійя и Гамавуки предпочли общество своихъ чудовищъ возвращенію въ отеческій домъ, до сихъ поръ столь мало для нихъ привѣтливый.

Потомъ снова все отправились на поиски дракона подъ тѣмные своды зачарованнаго лѣса.

VIII.

По мѣрѣ того, какъ путешественники подвигались впередъ, дорога становилась все болѣе каменистой, а природа все болѣе дикой. Не было болѣе ни темнаго, густаго лѣса, гдѣ царилъ орелъ, ни свѣжихъ, веселыхъ береговъ озера съ его маленькимъ островкомъ, украшеннымъ кустами деревьевъ и рощъ. Теперь путники то спускались въ овраги и лога, то поднимались на гребни скалистыхъ горъ, то обходили глубокія, обрывистыя пропасти, то шли, вмѣсто дороги, по каменистому ложу быстрого, бушующаго потока.

Послѣ двухдневнаго блужданія въ этой безплодной пустынѣ, они убѣдились, наконецъ, что совершенно заблудились. Не было даже ни малѣйшаго намека на дорогу; съѣстные припасы были на исходѣ, а между тѣмъ нужно было приберечь свои силы, чтобы выбраться изъ этого дурнаго мѣста и подумать о возвращеніи.

Но прежде чѣмъ покинуть свои поиски, Камо захотѣлъ испытать послѣднее средство. Онъ взобрался на высокую скалу, мрачная

вершина которой господствовала надъ сосновымъ лѣсомъ и громко вскричалъ:

— Ябура, если ты меня слышишь, отвѣть! Я Камо, твой братъ и пришелъ освободить тебя и возвратить нашему отцу.

Едва онъ замолкъ, какъ страшный, пронзительный свистъ послышался въ лѣсу, и въ тотъ же самый моментъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него выскочилъ драконъ.

— Наглець, какъ ты смѣешь говорить, что уведешь Ябуру?—вскричало страшилище, изрыгая пѣну, кровь и сѣрные пары.

— Я братъ ея, Камо,—мужественно отвѣтилъ молодой человѣкъ, не трогаясь съ мѣста:—но не беспокойтесь, я уведу ее только въ томъ случаѣ, если она сама на это согласится.

— Ябура не пойдетъ за тобой, потому что она меня любитъ и счастлива со мной,—сказало чудовище.

Камо не могъ воздержаться отъ презрительной улыбки, такъ какъ ему казалось невозможнымъ, чтобы кто-нибудь могъ любить подобное страшилище.

Но драконъ сохранялъ свою угрожающую позу, и Камо счелъ благоразумнымъ отступить.

— Извините меня, въ такомъ случаѣ; я пойду и передамъ этотъ отвѣтъ отцу,—сказалъ онъ.

— Ну, нѣтъ!—вскричалъ драконъ.—Развѣ ты не знаешь, безумный, что нельзя безнаказанно приходить въ мои владѣнія, и что для того, чтобы выйти отсюда, ты долженъ будешь дать мнѣ выкупъ? Что ты можешь предложить мнѣ за то, чтобы я выпустилъ тебя?

— У меня ничего нѣтъ, — сказалъ Камо.

— Да, но у тебя есть жизнь, и я ее возьму.

— У меня есть жизнь, но также есть и сабля, — смѣло возразилъ молодой человѣкъ.

И, спрыгнувъ съ вершины скалы, онъ всталъ въ оборонительную позу. Драконъ, раскрывъ страшную пасть, устремился прямо на него, и, несмотря на ловкую защиту Камо, готовъ былъ схватить его уже зубами, какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ одинъ изъ его вѣрныхъ проводниковъ бросился между ними, и въ тотъ же мигъ пасть чудовища захлопнулась, разможивъ самоотверженнаго слугу своимъ тройнымъ рядомъ зубовъ.

Воспользовавшись замѣшательствомъ, Камо ловкимъ ударомъ сабли хватилъ по шеѣ чудовище, голова котораго покатилаcь на землю, обогрѣвая ее кровью.

Едва это произошло, какъ страшный громъ потрясъ воздухъ, землю и лѣсъ. Камо и его послѣдній спутникъ были отброшены въ сторону посреди облаковъ дыма и ядовитыхъ паровъ. Нѣсколько времени они лежали на землѣ совершенно оглушенными, будучи не въ состояніи что либо различить въ сѣрномъ дыму, окружавшемъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Но вдругъ ихъ вывели изъ остоленія звуки прекрасной музыки и радостные клики. Налѣво оказалось озеро, все покрытое разноцвѣтными флагами лодками, а вдали виднѣлся величавый королевскій кортежъ, спускавшійся съ холма, впереди котораго ѣхалъ верхомъ на лошади молодой человѣкъ, одѣтый въ великолѣпный костюмъ и окружен-

ный своими слугами; надъ его головой развились священныя знамена, а возлѣ него на бѣлой лошади ѣхала съ гордымъ видомъ молодая женщина, въ которой Камо тотчасъ же узналъ свою сестру.

— Ябура! — вскричалъ онъ въ изумленіи, будучи не въ состояніи повѣрить этому чуду.

— Да, это она, — сказалъ король, и я благодарю тебя, какъ своего избавителя. Колдовство окончилось. Лѣсъ исчезъ въ тотъ самый моментъ, когда ты разрушилъ проклятую оболочку, убивъ дракона, какъ объ этомъ было предсказано въ священныхъ книгахъ. Я снова король этой страны и ожидаю прибытія твоихъ зятьевъ, моихъ вассаловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не много спустя, прибыли Сійя и Гамавуки въ сопровожденіи своихъ мужей-принцевъ. И всѣ радовались столь счастливому разрушенію волшебныхъ чаръ.

IX.

— А нашъ отецъ? — спросилъ Камо, когда порывы общей радости нѣсколько поутихли.

— Ахъ, да! — сказалъ король. Я позабылъ было объ этомъ плутѣ, не стоившемъ тѣхъ денегъ, которыя онъ у меня промоталъ. Но я не хочу больше разлучать его съ его дочерьми. Иди къ нему, Камо, и скажи, что его ожидаютъ при моемъ дворѣ самыя великія почести, но въ особенности не забудь добавить, что онъ найдетъ здѣсь много золота.

Камо возвратился въ Иокагаму, но, приблизившись къ отцовскому дому, онъ нашелъ его заколоченнымъ. Предчувствіе сжало его сердце. Онъ вошелъ во дворъ. Въ саду оказался слуга, котораго онъ нѣсколькими днями ранѣ послалъ къ отцу съ вѣстями.

— Гдѣ отецъ?—спросилъ Камо.

— Увы, онъ померъ!

— Померъ? Какъ? Говори скорѣй!

— Извѣстіе, что дочери его покинули уже было страшнымъ для него ударомъ. Но въ довершеніе всего этого, шесть дней тому назадъ, вечеромъ, онъ узналъ, что банкиръ, у котораго хранились его деньги, бѣжалъ и оставилъ его ни съ чѣмъ.

— Ты говоришь, шесть дней тому назадъ,—вечеромъ?

— Да.

Камо понялъ. Въ этотъ самый день и часъ онъ убилъ дракона и ударомъ своей сабли разрушилъ контрактъ, связывавшій его отца.

— Потомъ?—спросилъ онъ.

— А потомъ онъ не могъ перенести этого новаго несчастія и повѣсилъ. Тебя не могли ждать на похороны, потому что о твоей судьбѣ ничего не было извѣстно.

Такъ окончилась исторія заколдованнаго лѣса Гомокузай. Мужество восторжествовало, алчность была наказана, а постоянство вознаграждено.

